

СУЩНОСТЬ СЛОВ

Кармен ФИРАН

Когда я приехала в Америку, я чувствовала себя Колумбом. Она завоевывала меня, и я, в свою очередь, тоже была завоевателем. Нью-Йорк — подходящее место для глубокого погружения. Поначалу мне нравилось всё — белые кресла в Брайант-парке, пожарные лестницы в Сохо, белки и танцующий Тот в Центральном парке, мэр, сталь и стекло, флаги вокруг катка в Рокфеллер-центре, шампанское в антракте в «Метрополитен-опера», вид поверх фонтанов у Линкольн центра, простирающийся аж до ресторана «Фиорелло» и кинотеатра напротив, входы в метро и решетки на тротуарах, из которых зимой струится теплый пар и запах лежалого картона, сирены полицейских и трагические вопли пожарных машин, желтые такси и вибрация асфальта под ногами спешащих к перекресткам прохожих с висящими на ушах мобильными телефонами, фиолетовый лак ногтей и побрякивающие золоченые браслеты кассирш в супермаркете, экстравагантные витрины магазинчиков в Гринич-виллидж и кирпичные фабричные здания в Сохо, превращенные в галереи живописи. Мне нравилось всё без исключения — от радостного ощущения начала новой жизни и своей собственной «избранности».

Почти два года я посвятила этим открытиям. Затем через какое-то время подостыла и начала смотреть более пристально. Я уже добровольно приковала себя к общему жернову, ритмично поворачиваясь вместе с окружающим меня миром, и моя карточка социального страхования была надежно спрятана в ящике стола. Я раскрыла глаза и наострила уши, словно проснувшись в незнакомом месте после вечеринки, когда свет уже погашен и последний гость закрыл за собой дверь. Будучи недавним иммигрантом, я тем не менее не чувствовала себя перемещенным лицом и не испытывала ностальгии. Все мои чувства активно бодрствовали и жили именно здесь.

Я натягивала новую жизнь через голову, как блузку, которая — я знала — будет впору, потому что я правильно ее скроила. В крайнем случае я могла себе позволить разочароваться в осуществившихся своих мечтах. На этот раз, изнутри, из чрева кита, где я удобно устроилась, я начала свои исследовательские выходы наружу.

Приземлившись выходцем из иной культуры, я могла на расстоянии бесконечно рассматривать мир, в который мне предстояло влиться. Сравнивая, взвешивая нюансы и различия, специфику и схожесть, можно оказаться в выгодной позиции судьи, который хочет предотвратить наказания и ненужные штрафы, прибегая к своему свистку только когда в игре наступает хаос.

Кармен Фиран – известная румынская писательница, поэтесса, автор романов, пьес и сборников стихов. Приехав в США около 15 лет назад, она сразу влилась в культурную и литературную жизнь Нью-Йорка. Первые ее книги в Америке вышли в переводах, в последние же годы Фиран пишет и на английском, став одной из ведущих среди американских авторов «с акцентом». В последнее время, кроме стихотворных сборников, вышел ее популярный роман «Фарс» – о румынской «перестройке» и «революции». В настоящее время Кармен заявляет, что ее взгляды на американский менталитет и использование слов остались теми же, но она к ним привыкла и благополучно существует в жизни и в искусстве на их фоне.

Больше тридцати лет я прожила в тусклом мире Коммунизма, где время ничего не меняло. При отсутствии какого-либо диалога с социальными и политическими органами все, что нам оставалось, – это говорить друг с другом. Под балканским небом наши беседы были восхитительны: барокко, бесконечная болтовня, то значительная, то бесполезная, над переполненными пепельницами и под дешевой выпивку, споры ночь напролет и похмельные утра, когда все начиналось сначала. Мы никуда не спешили. Нам некуда было идти.

Диктаторский режим казался вечным. Для того чтобы сохранить рассудок, у нас были только слова, язык, иллюзии, сотворенные из воздуха, мрачный критицизм, выдумывание сказок. Яркие идеи и дерзкие банальности. Выживание. Слова были бессильны изменить нашу судьбу, но помогали не сойти с ума. Душа? Никто о ней не упоминал, но она присутствовала всегда – в узорах наших размышлений, в последней погашенной на рассвете сигарете, на фоне мрачной дымной фабрики на городской окраине.

В Америке время – это все. Его продают в каждом кафе и с тележек с хот-догами, на телевидении, в автоматах и с билетами на паром на Стайтен-Айленд, в приветствии «Приятного дня!», которое каждый автоматически произносит, чтобы поскорее отделаться от вас. Использование сжатых формул разговорного языка происходит не от пустоты, а от страха оставаться слишком долго на одном месте, которое вряд ли сулит что-то новое. Время – деньги. Душа? Она возлежит где-нибудь на кушетке у психоаналитика или запланирована для обсуждения на телевизионном ток-шоу.

Еще во чреве кита я быстро набросала план степеней одиночества: от добровольной изоляции, позволяющей познать свою внутреннюю красоту, к изоляции вынужденной, когда ты смотришь на верхи зданий и не видишь звезд, потому что их заслоняют крыши; от уединения, которое все-таки может согреть хорошая книга, к отчуждению, где язык становится бессильным существом, добычей первого же хищного цветка; и дальше – к полному отторжению, где слова теряют смысл и вес, и честная попытка контакта не срабатывает ни на экране компьютера, ни в сотовом телефоне, которым можно пользоваться, только если есть люди, готовые тебя слушать.

Суть общения становится нелепостью – не из-за пустоты, а от страха сделать что-то запрещенное, зависнуть на слогге, повторяя слово «любовь», пока не перехватит дыхание и не расширятся ноздри, страница из Генри Миллера засела в голове, и вы и вправду чувствуете

пронзающую вас любовь. Не проще ли смотреть «Секс в большом городе» или, если вы более разговорчивы, «Доктор Фил», который знает решение любой проблемы?

О ЛЮБВИ

Когда в юности я влюбилась, я не смела даже произнести слово «люблю» — из опасения, что это развеет волшебство. Это был мой секрет, мое запрятанное сокровище. В те времена мы старались укрыть это от посторонних взглядов. Была ли эта осторожность частью нашей задавленности в рамках диктаторского режима, или просто мы вот так претворяли в жизнь одно из самых могучих слов?

В Америке слово «люблю» используется повсюду. Здесь каждый любит с утра до вечера, и никто не стесняется публично демонстрировать свою любовь. Заканчивая телефонный разговор с другом, автоматически говорят «люблю тебя», в сущности, означающее «скоро созвонимся» или «пока, до свидания». Любовь распространяется на предметы, еду, пейзажи и ситуации. Люди часто говорят «О Боже, я люблю это, люблю то...», игнорируя такие синонимы, как «мне нравится», «я ценю», «меня восхищает», «меня привлекает» и т.д., которые определяют нюансы интенсивности эмоций. Если произносить много раз в день слово «люблю», рот наполняется звуком «ю», слово исчезает, его вес и значение теряются.

«Люблю», повторенное постоянно и небрежно, ничего не стóбит. Толстой, наверное, переворачивается в гробу и готов отречься от Анны Карениной, из-за любви бросившейся под поезд. Возможно, вместо этого он отправил бы ее к психоаналитику и заставил бы разглагольствовать о гармонии разума, тела и души в поисках «внутреннего бэби».

Я вспоминаю, как в юности нам было трудно произнести слова любви, какие сумасшедшие пируэты выделывали наши фразы; как мы взвешивали их эмоциональность и интенсивность; как прибегали к иносказательному языку. Мы были убеждены, что просто неприлично рассеять таинственность и мощь такого сильного слова, употребляя его между прочим, или что, произнеся его, мы становимся беззащитными и бессильными, или покажемся слишком сентиментальными. А что, если, сказав «люблю», не встретишь взаимности? Из всех унижений насмешка — самое страшное. Кроме того, мы жили в закрытом обществе, где о сексе не говорили, контрацептивные средства были под запретом, а коммунистическая идеология отождествляла любовь с деторождением. Мне кажется, все это происходило сто лет назад...

Зато как просто в наши дни подменять любовь сексом, хотя в больших американских городах, где делать карьеру и не состоять в браке весьма похвально, полы разделены огромной пропастью. В конце дня эмансипированные женщины и успешные мужчины, оскопленные страхом «sexual harassment», измученные напряженной работой, охотятся друг на друга в барах, смеясь с коктейлями или пивом в руках. Их разговор часто слишком громкий. Кто что говорит, не имеет значения, только бы тебя слышали, только бы показаться уверенным в себе, значительным и самодостаточным в этом политкорректном обществе. И этот флирт, эта игра снова начнется на следующий день.

Если смотреть внимательно и прислушаться к словам, которые, как автоматные очереди, летят от одного к другому, чтобы не иссякла беседа, подавляет ощущение вселенского одиночества, прикрытого тонким блестящим слоем благих намерений.

В семье партнеры знают свои обязанности, связанные с детьми, но оба близки к отчаянию, потому что каждый считает, что не получает заслуженного внимания, его не слушают, им не восхищаются и его не жалеют. Чувства и привязанности фильтруются сквозь формальное общение, где вежливость и политкорректность занимают главное место, загоняя гнев внутрь.

При отсутствии искреннего взаимопонимания, когда оба партнера говорят только то, что разрешено, и не смеют касаться запретных и болезненных тем, они подавляют свои истинные чувства, и несказанные слова, невыраженные проблемы только умножаются, приводя к глубо-

кому кризису отношений. Они продолжают говорить «люблю» в конце телефонного разговора, но слово «любовь» становится стерильной фигурой речи, неспособной сохранить его изначальный смысл. «Любить» превращается в ординарный глагол, произносимый безо всякого чувства, лишенный аромата.

О СЧАСТЬЕ

«Счастье» — еще одно изношенное слово. Здесь все мечутся в поисках его, и это имело бы смысл, если бы многие не притворялись, что находят его по нескольку раз в день, в самых неожиданных ситуациях. Похоже, люди просто не испытывают спокойной радости, удовлетворенности, нехитрого довольства. Вместо этого, когда что-нибудь «о'кей» или забавно, изображается полное счастье.

Мне представляется, что все здесь нацелено на фальшивую массовую эйфорию, лишенную всякого внутреннего чувства. «Счастье» — слово мощное, полное магии, — должно дать ощущение, что у тебя выросли крылья и ты можешь взлететь, очутиться в раю. Чтобы ответить на вопрос: «Что вы считаете самым счастливым моментом своей жизни?», — люди зачастую довольно долго думают, взвешивая, что же считать наиболее сильным своим переживанием. На это короткое время они полностью осознают силу слова «счастье». Однако в ежедневной торопливой жизни его заменяют бравадой и демонстрацией обязательного оптимизма.

ОБ ОПТИМИЗМЕ

В каждом языке есть общепринятые выражения, характеризующие ментальность данной нации в данное время. Например, в стране, из которой приехала я, часто используются уменьшительные или пренебрежительные суффиксы, обозначающие неформальность отношений, а также — огрубление языка с целью самоуничижения, или чтобы насмешить, или показаться ироничным.

В Америке, наоборот, ввиду всеобщего стремления к грандиозному правит преувеличение; здесь всё — с размахом, поощряется позитивный подход к жизни и позитивное мышление. Вначале эта всеобщая позитивность заражала меня энергией. Привыкнув к румынскому «могло быть и хуже», я нашла здесь оптимистическое «не беспокойся, будь счастлив» или, другими словами, «всегда может стать еще лучше».

В первое время в Нью-Йорке меня очень трогало, когда каждый встречный (и знакомый, и незнакомый) спрашивал: «Как дела?» — скорее и не вопрос, а приветствие. Не говоря уже о теплом «Берегите себя!» на прощание. Я могла бы даже немного зазнаться оттого, что все так заботятся о моем благополучии и хотят узнать о моих делах. Однако прежде чем я могла ответить, тот, кто задал этот вопрос, уже исчезал («время — деньги!»), блеснув широкой улыбкой, типичной для всего Нью-Йорка, в котором, казалось, все ослепительно белозубы и оптимистичны.

В моей родной стране мне осточертело непрерывное нытье окружающих. Все постоянно жаловались. Быть благополучным считалось почти стыдным, люди чувствовали себя виноватыми, стеснялись в этом признаться. В ответ на похвалу вам обычно пространно объясняли, что это ложное впечатление, а на самом деле всё из рук вон плохо... Им хотелось быть несчастными, вызывать жалость.

А вот житель Нью-Йорка, даже если он одной ногой в могиле, на вопрос «как дела?» спокойно ответит «спасибо, все о'кей, просто замечательно», и этот ответ означает лишь, что он не хочет делиться с вами своими проблемами. Стороннему наблюдателю может показаться, что такой официальный ответ приводит к отчуждению и поверхностным отношениям. Одна-

ко американцу понятно, что это происходит от порядочности и нежелания «грузить» другого своими неприятностями.

Чрезмерное использование сильных слов («любовь», «счастье», «Бог» и т.д.), в сущности, избавляет от необходимости в полной мере переживать связанные с ними эмоции. Речь используется «наоборот»: не открываться и общаться, а прятаться и беречь себя, и следствием такой стандартизации является изоляция.

Когда я начала понимать дух Америки, мне захотелось поместить в карантин эти изношенные, измученные слова, клише, заменившие оттенки чувств, стандарты, удушившие их освежающую, загадочную, неоднозначную сущность.

О СТАРОСТИ И СМЕРТИ

Это — также темы болезненные: старость и смерть многими воспринимаются как поражение. Это и неудивительно в суетном обществе чемпионов, не позволяющих себе тратить время впустую, считающих себя завоевателями, для которых Марс — ближе, чем Европа, и чьи политические лидеры уверены, что могут напрямую связаться с Богом. Умереть — просто унижительно, когда ты должен быть среди сильнейших, наслаждаясь личными, национальными и межпланетными завоеваниями.

Действительно, достигнут значительный прогресс в уровне медицины и продолжительности жизни, — возможно, по причине страха, тщеславия или стремления перейти пределы. Кроме того, доведена до совершенства целая индустрия, основанная на отрицании старости и смерти и гарантирующая вечную молодость.

В американском обществе, помешанном на внешних проявлениях, забота о теле намного опережает заботу о душе. Она процветает, несмотря на обилие «духовной» литературы, смешивающей восточные религиозные идеи с диетами и практическими советами по продлению юности и вообще жизни. Отчаянная борьба со смертью многообразна — от специальных клиник по омолаживанию организма (где работают эксперты, делающие вид, что им известны секреты бессмертия) до использования генетических кодов для клонирования с целью обмануть природу.

Развитие цивилизации всегда было тесно связано с абстрактной, грандиозной идеей бессмертия. Рождались религии, расцветали искусства, философские течения наперебой занимались анализом этого вечного вопроса, но в результате тайна стала только глубже.

В наши дни мы стараемся выжить в материалистическом обществе, которое превратило этот миф в выгодный бизнес, преобразовало его магическую метафору в коммерческую рекламу, призванную манипулировать заблудшими душами. Торговля иллюзиями, может быть, и безвредна, но только если в результате не забывается стремление познать сущность и смысл жизни. Когда смерть считают просто препятствием, а не эпизодом преображения и приобщения, она вскидывает на плечо свою косу и неустанно преследует нас, невзирая на времена и культуры.

Перевод с английского Елены Ариан

■□■